

The background is a detailed illustration of a laboratory. In the center, a woman with long, wavy blonde hair and black-rimmed glasses stands with her hands on her hips, wearing a white lab coat over a black top. To her left, a man in a blue button-down shirt holds a test tube. To her right, another man in a blue jacket stands near a microscope on a lab bench. The scene is filled with various lab equipment like beakers and flasks, and the background is a teal color with glowing stars and swirling patterns.

МАГИССА

ЛАБОРАНТКА
для
ИНЖЕНЕРОВ

Магисса - Лаборантка для Инженеров

<https://litres.ru/74350722>

Аннотация

ОТКРОВЕННО! ХЭППИ ЭНД! ВЫБОР ГЕРОИНИ В КОНЦЕ! Первые 3 дня мини бесплатно! Подпишись, чтобы не пропустить новинки! ♥#

Мир рухнул. Мой маленький, хрупкий мир, который я так старательно пыталась удержать в равновесии, разлетелся на тысячи осколков после того, как Варфоломей застал нас с Роксаном на лестнице. Я не знала, как собрать их. И стоит ли собирать вообще. Занавес опустился на первом акте моей личной драмы, оставив меня наедине с разбитым сердцем и немым вопросом в глазах Роксана.

Что дальше? А дальше была неизвестность, такая же туманная и промозглая, как ленинградская осень. И я должна была сделать шаг в эту неизвестность. Шаг, который изменит все. Спокойная гавань Варфоломея манила своей надежностью, его тихая, обреченная печаль рвала мне душу. Но бушующее море Роксана, его «Я люблю тебя, Изадора», обещало такие глубины и такие штормы, о которых я всегда мечтала, боясь себе в этом признаться.

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Часть 1

Вечерний Ленинград дышал стылой Невой и обещанием скорой зимы. Мокрый асфальт Невского проспекта отражал огни фонарей, превращая их в дрожащие, размытые кляксы, похожие на слезы города, уставшего от вечной суеты и собственных теней. Я шла, кутаясь в старенькое, но любимое драповое пальто, и каждый шаг отдавался глухим эхом в моей душе, такой же пустой и промозглой, как этот октябрьский вечер.

Меня зовут Изадора. Да, Изадора. Мама увлекалась Айседорой Дункан и Есениным, отсюда и это имя, немного чужое для нашей советской действительности, как экзотический цветок, случайно проросший на грядке с картошкой. Жгучая блондинка, говорили про меня мужчины, когда хотели сделать комплимент, или просто пилились вслед, не находя слов. Фигура... да, фигура была, как у гитары, с которой сняли лишние струны, оставив только самые звонкие. Но что толку от этой фигуры и светлых волос, когда внутри — вечная осень?

Я работала лаборанткой в одном из бесчисленных НИИ, где умные мужчины в одинаковых серых костюмах двигали вперед советскую науку, или, по крайней мере, делали вид. Моя задача была проста: готовить приборы, мыть колбы, записывать показания, улыбаться начальству и не зада-

вать лишних вопросов. И я не задавала. Я просто жила, плыла по течению, как бумажный кораблик в весеннем ручье, не зная, куда он меня вынесет.

А выносил он меня обычно к двум берегам.

Один берег звали Варфоломей. Варфоломей был инженером в нашем же НИИ, старшим научным сотрудником, человеком основательным, надежным, как старый дуб. Ему было под сорок, он носил очки в толстой роговой оправе, которые делали его похожим на доброго филина, и от него всегда пахло хорошим табаком и чем-то неуловимо спокойным. Мы встречались уже почти год. Это были тихие встречи: кино по выходным, театр, если доставали билеты, редкие ужины в ресторане «Метрополь», где он важно заказывал котлеты по-киевски и графинчик водки. Он говорил о будущем, о семье, о даче под Лугой. Он был как теплая, уютная гавань, где можно было укрыться от жизненных бурь. Но иногда в этой гавани становилось так тихо, что хотелось выть от тоски.

— Изадора, — говорил он своим ровным, немного скрипучим голосом, когда мы сидели в его маленькой, но аккуратной квартире на Петроградской стороне, — ты должна понимать, жизнь — это не фейерверк. Это спокойное, размеренное движение.

Я кивала, смотрела на репродукцию Шишкина над его диваном и думала, что фейерверков мне, может, и не нужно, но хоть одна искорка, одна маленькая шальная ракета...

И эта ракета появилась. Его звали Роксан.

Он возник в нашем НИИ внезапно, как яркая комета на сером небосклоне повседневности. Молодой инженер, только что после института, с копной непослушных темных волос, вечно вострепанных, будто он только что слез с мотоцикла, хотя мотоцикла у него не было. Глаза у него были цвета грозового неба перед дождем — серые, с синевой, и в них плясали чертенята. Он был как порыв свежего ветра, ворвавшийся в затхлую атмосферу нашего отдела.

Он сразу обратил на меня внимание. Не так, как другие — не с похотливым любопытством или снисходительным одобрением. Он смотрел так, будто видел во мне не просто красивую оболочку, а что-то еще, что-то скрытое, что я и сама в себе не всегда замечала.

— Изадора... — протянул он мое имя, когда мы впервые столкнулись в коридоре, и я уронила папку с документами. Он помог собрать разлетевшиеся листы, и его пальцы случайно коснулись моих. Как от удара током. — Красивое имя. Редкое. Как орхидея в заснеженном лесу.

Я покраснела. От сравнения, от его взгляда, от этого внезапного электрического разряда.

— Спасибо, — только и смогла вымолвить я.

Роксан улыбнулся — широко, обезоруживающе. И в этой улыбке было столько жизни, столько дерзости, что у меня перехватило дыхание.

С того дня моя размеренная жизнь дала трещину. Варфоломеем по-прежнему был рядом, такой же надежный и пред-

сказуемый. Мы ходили в кино, он держал мою руку своей сухой, теплой ладонью, и я чувствовала себя... спокойно. Но потом я приходила на работу, видела Роксана, ловила его случайные взгляды, слышала его смех в коридоре, и мое сердце начинало биться так, будто хотело вырваться из груди и улететь вслед за этой кометой.

Роксан не спешил. Он подходил ко мне под разными предлогами: спросить про какой-нибудь прибор, попросить помочь с чертежами, хотя я в них ничего не понимала. Он рассказывал смешные истории, травил анекдоты, от которых краснели даже наши самые степенные дамы. Он приносил мне полевые цветы, найденные где-то на пустыре по дороге на работу, и ставил их в химическую колбу на моем столе. Эти цветы были такие же дикие и непокорные, как он сам.

— Для самой красивой лаборантки самого скучного НИИ, — говорил он шепотом, наклоняясь ко мне так близко, что я чувствовала запах его кожи — терпкий, мужской, немного с примесью машинного масла и чего-то еще, неуловимо волнующего.

И я тонула. Тонула в его глазах, в его улыбке, в предвкушении чего-то запретного и невероятно притягательного.

Варфоломей, кажется, ничего не замечал. Или делал вид, что не замечает. Он был слишком погружен в свои расчеты, в свои планы на наше общее будущее. Он начал заговаривать о том, что нам пора бы съехаться, что его мама будет рада познакомиться со мной поближе. И от этих разговоров мне

становилось холодно. Я понимала, что он прав, что это логично, правильно. Но мысль о том, что моя жизнь окончательно войдет в это спокойное, размеренное русло, вызывала во мне тихую панику.

Однажды Роксан подкараулил меня после работы. Дождь лил как из ведра, превращая улицы в венецианские каналы. Я стояла под козырьком подъезда, пытаюсь раскрыть свой старенький зонтик, который, как назло, заело.

— Позвольте, мадемуазель, — его голос прозвучал совсем рядом. Он легко справился с непокорным зонтом и, взяв меня под руку, шагнул под дождь. — Куда прикажете доставить такую драгоценность?

— Мне домой, — улыбнулась я. — Но боюсь, моя карета превратилась в тыкву.

— Пустяки, — он рассмеялся. — Для такой принцессы я готов стать и кучером, и лошадью.

Мы шли под одним зонтом, тесно прижавшись друг к другу. Его плечо касалось моего, и от этого прикосновения по телу бежали мурашки. Мы молчали, слушая музыку дождя и стук наших сердец, который, мне казалось, был слышен даже сквозь шум ливня.

У моего подъезда он задержал меня.

— Изадора... — его голос стал серьезным, а в глазах больше не плясали чертенята. Там была только нежность и что-то еще, от чего у меня замерло сердце. — Я не могу так больше.

— Что «так»? — прошептала я, боясь услышать ответ.

— Делать вид, что ты мне безразлична. Что я не думаю о тебе каждую минуту.

Он наклонился и поцеловал меня. Это был не тот спокойный, почти братский поцелуй, которым иногда награждал меня Варфоломей. Это был поцелуй-взрыв, поцелуй-пожар, сметающий все на своем пути. Его губы были требовательными и нежными одновременно, его руки обнимали меня так крепко, будто боялись, что я растворюсь в этом дожде.

И я ответила ему. Ответила со всей страстью, со всем отчаянием, накопившимся в моей душе. Я забыла про Варфоломея, про НИИ, про этот вечный дождь и серый город. Были только мы, его губы и это сумасшедшее биение сердца.

Когда он оторвался от меня, я едва стояла на ногах.

— Подумай, Изадора, — прошептал он, глядя мне в глаза.
— Подумай хорошо. Я не хочу делить тебя ни с кем.

Он развернулся и исчез в пелене дождя, оставив меня одну, с пылающими губами и душой, разорванной на части.

Я поднялась в свою маленькую комнатку в коммуналке, села на кровать и заплакала. От счастья? От страха? От невозможности выбора? Я не знала. Я знала только одно: моя жизнь больше никогда не будет прежней. Спокойная гавань Варфоломея манила своей надежностью, но бушующее море Роксана обещало такие глубины и такие штормы, о которых я всегда мечтала, боясь себе в этом признаться.

На столе, в химической колбе, стояли его полевые цветы. Они смотрели на меня своими яркими, дерзкими головками,

как будто спрашивая: «Ну что, Изадора? На что ты готова ради настоящего фейерверка?»

А я не знала ответа. Я была просто лаборанткой, запутавшейся между двумя инженерами. И этот выбор был сложнее любого химического опыта, страшнее любой неизвестной реакции. Потому что на кону стояла моя собственная жизнь, мое собственное сердце, которое отчаянно хотело любить и быть любимым. Но кем? Вот в чем был вопрос. Вопрос, от которого зависело все.

Неделя тянулась, как резиновая, как ожидание приговора. Я избегала Роксана, хотя это было мучительно трудно. Его взгляд преследовал меня, его случайные прикосновения обжигали. Я старалась быть внимательной к Варфоломею, смеялась его шуткам, которые вдруг показались мне невыносимо пресными, слушала его планы, которые вызывали во мне лишь глухое раздражение.

Он почувствовал перемену. Мужчины, даже такие погруженные в себя, как Варфоломей, иногда обладают удивительной интуицией, когда дело касается женщины, которая начинает от них ускользать.

— Что с тобой, Иза? — спросил он однажды вечером, когда мы сидели в его кухне, и он разливал по чашкам грузинский чай. — Ты какая-то... далекая.

— Устала, — соврала я, глядя в окно, за которым уже сгустились сумерки. — Много работы.

Он подошел, обнял меня за плечи.

— Может, нам стоит съездить куда-нибудь на выходные? В Павловск, например. Погуляем по парку, подышим свежим воздухом.

Павловск. Золотая осень. Шуршащие листья под ногами. Спокойные, размеренные прогулки. Это было так... по-варфоломеевски. И так невыносимо правильно.

— Да, может быть, — неопределенно ответила я.

А в голове стучало: «Роксан, Роксан, Роксан...»

В пятницу, когда я уже собиралась уходить с работы, он снова подкараулил меня. На этот раз в пустом коридоре, возле лестницы.

— Изадора, — его голос был хриплым. — Нам нужно поговорить.

— Нам не о чем говорить, Роксан, — я старалась, чтобы мой голос звучал твердо, но он предательски дрожал.

— Есть о чем. По крайней мере, мне есть что сказать. Пожалуйста. Всего пять минут.

Я колебалась. Одна часть меня кричала: «Беги!», другая шептала: «Останься...»

Победила вторая.

Он взял меня за руку и потянул на лестничную площадку, где было тускло и пахло пылью. Прижал к холодной стене.

— Я не могу без тебя, — выдохнул он мне в губы. — Я думал, смогу. Но не могу. Ты как наваждение.

И снова его поцелуй, такой же головокружительный, как и в тот дождливый вечер. Я цеплялась за него, как утопающий

за соломинку, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Я люблю тебя, Изадора, — прошептал он, когда мы на мгновение оторвались друг от друга, чтобы перевести дух. — Слышишь? Люблю.

Люблю. Это слово прозвучало как выстрел. Как приговор. Как спасение.

И в этот момент на лестнице послышались шаги. Мы отпрыгнули друг от друга, как нашкодившие школьники. На площадку вышел Варфоломей.

Он остановился, глядя на нас. Его лицо было непроницаемым, но в глазах за очками я увидела такую боль, такую растерянность, что у меня все похолодело внутри.

Он ничего не сказал. Просто посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом, потом перевел его на Роксана, потом снова на меня. И в этом взгляде было все: и упрек, и разочарование, и какая-то тихая, обреченная печаль.

Потом он медленно развернулся и пошел вниз по лестнице. Его шаги гулко отдавались в наступившей тишине.

Я стояла, прижавшись к стене, не в силах пошевелиться. Роксан тоже молчал, глядя ему вслед.

Мир рухнул. Мой маленький, хрупкий мир, который я так старательно пыталась удержать в равновесии, разлетелся на тысячи осколков. И я не знала, как собрать их. И стоит ли собирать вообще.

Да, это был он. Занавес опустился на первом акте моей личной драмы, оставив меня наедине с разбитым сердцем и

немым вопросом в глазах Роксана. Что дальше? А дальше была неизвестность, такая же туманная и промозглая, как ленинградская осень. И я должна была сделать шаг в эту неизвестность. Шаг, который изменит все.

Часть 2

После той сцены на лестнице НИИ превратился для м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.